

УДК 304

DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45

Наталья Анатольевна Казачек,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: kazachekna@mail.ru

Елена Юрьевна Захарова,
Забайкальский государственный университет
(г. Чита, Россия),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Социальные риски цифровой экономики

Второе десятилетие XXI в. стало этапом активного построения информационного общества. «Гонка» по уровню цифровизации различных государств даёт потенциальную возможность повысить благосостояние страны и сохранить суверенитет. Эпоха тотальной цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека ведёт к неизбежной трансформации общества в целом. Цель проведённого исследования состоит в изучении социальных рисков цифровой экономики. В основе работы лежит социологический подход, позволяющий провести анализ общественных последствий современной трансформации общества и определить направления социальной политики для минимизации рисков. Авторами использован структурно-функциональный подход к анализу социальной реальности, который определяет исходные принципы изучения различных социокультурных явлений и процессов. Исследование проведено с использованием теоретических (абстрагирование, анализ и синтез, идеализация, индукция и дедукция, мысленное моделирование) и эмпирических (наблюдение, сравнение, анкетирование) методов. Результатом послужило выявление социальных рисков цифровой экономики и описание возможных вариантов развития общества в условиях цифровизации. Особое внимание авторы уделили проблеме информационно-цифрового неравенства. Вопросы качества жизни в условиях цифровизации требуют нового осмысления. Проведённое социологическое исследование позволило сделать вывод о том, что независимо от уровня жизни населения цифровые технологии не всегда приводят к повышению качества жизни. Имея материальные возможности для использования цифровых технологий, далеко не все ими пользуются, считая это ненужным, что связано зачастую с отсутствием цифровой готовности у граждан. Полученные результаты могут быть использованы при формировании стратегии повышения цифровой готовности населения как необходимого условия жизнедеятельности индивидов в информационном обществе.

Ключевые слова: социальные риски, цифровая экономика, уровень жизни, качество жизни, цифровизация, информационно-цифровое неравенство

Natalia A. Kazachek,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: kazachekna@mail.ru

Elena Yu. Zakharova,
Transbaikal State University
(Chita, Russia),
e-mail: aglena_72@mail.ru

Social Risks of Digital Economy

The second decade of the 21st century has been an active phase in building of the information society. Digitization "race" in different states offers a potential to improve the welfare of the country and to preserve the sovereignty. The research aims at studying the social risks of digital economy. The study is based on a sociological approach, which allows us to analyze social consequences of modern society transformation and to determine the directions in social policy for minimizing the risks. We also use a structural and functional approach to analyze social reality, which determines the very premise of studying different sociocultural phenomena and processes. In our research, we applied theoretical (abstraction, analysis and synthesis, idealization, induction and deduction, mental simulation) and empirical (observation, comparison, questionnaire survey) methods. The result of this research is identification of the social risks of digital economy and description of possible variants of the society development in the context of digitization. The authors paid special attention to the problem of information and digital divide. This has led to new thinking in the issues of quality of life under the conditions of digitization. A sociological study concluded that, regardless of the population's standard of living, digital technologies do not always improve the quality of life. With the material capacity to use digital technologies, not everyone uses them considering it unnecessary, which is often due to the lack of digital readiness of citizens. The results obtained can be used in shaping the strategy of increasing the population's digital readiness as a necessary living condition in the information society.

Keywords: social risks, digital economy, living standard, quality of life, digitization, information and digital divide

© Казачек Н. А., Захарова Е. Ю., 2020

Введение. В современных реалиях, когда благосостояние государства прямо пропорционально уровню развития производимой и используемой им техники и технологий, отставание по уровню цифровизации грозит фактической потерей политической и экономической независимости. В связи с этим процессы цифровизации экономики стали частью государственной политики.

Об актуальности этой проблемы свидетельствуют правительственные документы, принимаемые в разных государствах. Указом Президента России утверждена Стратегия развития информационного общества в Российской Федерации до 2030 года (далее – Стратегия), целью которой является создание условий для формирования общества знаний. На основе стратегии разработан и утверждена программа «Цифровая экономика Российской Федерации» (далее – Программа).

Подобные документы реализуются и во многих других странах: «Повестка цифровой трансформации Армении на 2018–2030 годы», «Европа 2020. Европейская стратегия по интеллектуальному, устойчивому и всеобъемлющему росту», «Наука и технологии в Китае: дорожная карта до 2050 года», «Видение-2050», «Национальная стратегия по развитию информационного общества в Азербайджанской Республике на 2014–2020 годы», «Национальная стратегия развития Республики Таджикистан в период до 2030 года», «Цифровой Казахстан», «Программа цифровой трансформации Киргизии» и т. д.

Мощным катализатором процессов цифровизации, прежде всего в социальной сфере, стали события, связанные с предотвращением распространения вируса Covid-19. Вся система образования перешла на дистанционную форму, вне зависимости от готовности к этому образовательных организаций. Многие специалисты на различных предприятиях и в организациях перешли на удалённую дистанционную форму работы, выполняя свои должностные обязанности, не выходя из дома. Всё это заставило граждан в ускоренном режиме осваивать новые цифровые технологии и онлайн-сервисы.

Методология и методы исследования. Социологический подход – один из основных при изучении рисков цифровой экономики, которая ведёт к цифровизации всех сфер жизнедеятельности человека. Задачами социологической науки являются: изучение потенциальных возможностей, рисков и угроз, детерминированных процессами, протекающими в обществе; анализ их общественных последствий и определение социальной политики, направленной на оптимизацию ситуации с учётом оценки и ожидания граждан. Эффективность социаль-

ной политики определяется обеспечением высокого уровня и качества жизни людей, достигаемых посредством совершенствования управленческих процессов социума и его институтов. В трансформирующемся цифровом обществе проблема уровня и качества жизни требует серьёзного социологического переосмысления.

Авторами использован структурно-функциональный подход к анализу социальной ситуации, который определяет исходные принципы исследования различных социокультурных явлений и процессов. В таком контексте любой социальный объект (культура, общество, институт, организация, группа, индивид) рассматривается как системно-организованная структурная целостность, каждый составляющий элемент которой имеет определённое функциональное значение (выполняет конкретную функцию).

Исследование проведено с использованием теоретических (абстрагирование, анализ и синтез, идеализация, индукция и дедукция, мысленное моделирование) и эмпирических (наблюдение, сравнение, анкетирование) методов.

Результаты исследования и их обсуждение. Одним из основных понятий нашего исследования является цифровая экономика. В настоящее время нет однозначного определения этого понятия. Проводя исследование, мы исходили из определения цифровой экономики, данного в Стратегии как хозяйственной деятельности, «в которой ключевым фактором производства являются данные в цифровом виде, обработка больших объёмов и использование результатов анализа которых по сравнению с традиционными формами хозяйствования позволяют существенно повысить эффективность различных видов производства, технологий, оборудования, хранения, продажи, доставки товаров и услуг»¹.

Нам видится интересным в трудах А. П. Колесника отождествление понятия «цифровая экономика» с «цифровизацией всего» [3].

Рассматривая перспективы построения цифровой экономики, принято говорить о рисках цифровизации для общества в целом и каждого индивида в частности. Общие глобальные риски перечислены во многочисленных исследованиях. Ряд работ посвящён исследованию роли и потенциальному вкладу государства в инновации и создание цифровой экономики, а также необходимым действиям для решения проблем экономической и социальной устойчивости, возникающей в связи с различными прояв-

¹ О Стратегии развития информационного общества в Российской Федерации на 2017–2030 годы: указ Президента Российской Федерации [от 9 мая 2017 г. № 203].

лениями цифровизации [13; 14]. В работе Dean Crippa путём анализа отношений между цифровыми инновациями и социальной сферой выделены три риска, возникающих в динамике инноваций цифровой экономики: 1) пересмотр межличностных отношений и одиночество; 2) усиление безработицы и социального неравенства; 3) экологическое неблагополучие [12].

М. Черняков и М. Чернякова в своих трудах выделяют технологические, экономические, социальные и психологические риски цифровой экономики. Авторы называют конкретные социальные риски, среди них: потеря работы; безработица; социальная напряжённость, вызванная распространением искусственного интеллекта; наступление роботехники [11].

Вместе с тем все риски построения цифровой экономики имеют социальные последствия, поэтому объектом нашего исследования стали именно социальные риски.

Под социальным риском в условиях цифровой экономики мы, основываясь на

работе О. И. Водяненко, понимаем «социальное действие, связанное с опасными последствиями цифровых трансформаций и требующее учёта, контроля и регулирования социальной ситуации» [1, с. 11]. Автор определяет основные черты социальных рисков в процессе цифровизации экономики – невозможность точно их прогнозировать и широкую амплитуду последствий [1].

Всестороннее представление о социальных последствиях тотальной цифровизации представлено в исследовании А. В. Щербиной [10]. Автор отмечает, что цифровые технологии влияют на глобальный «символический универсум», эмоциональное единение, язык, нормы и ценности сообществ. Исследователь выделяет два вектора вписывания цифровых технологий в «образы будущего»: предельную глобализацию и предельную автономизацию (персонализация). На рис. 1 схематично представлено видение автора последствий развития цифровых технологий для общества.

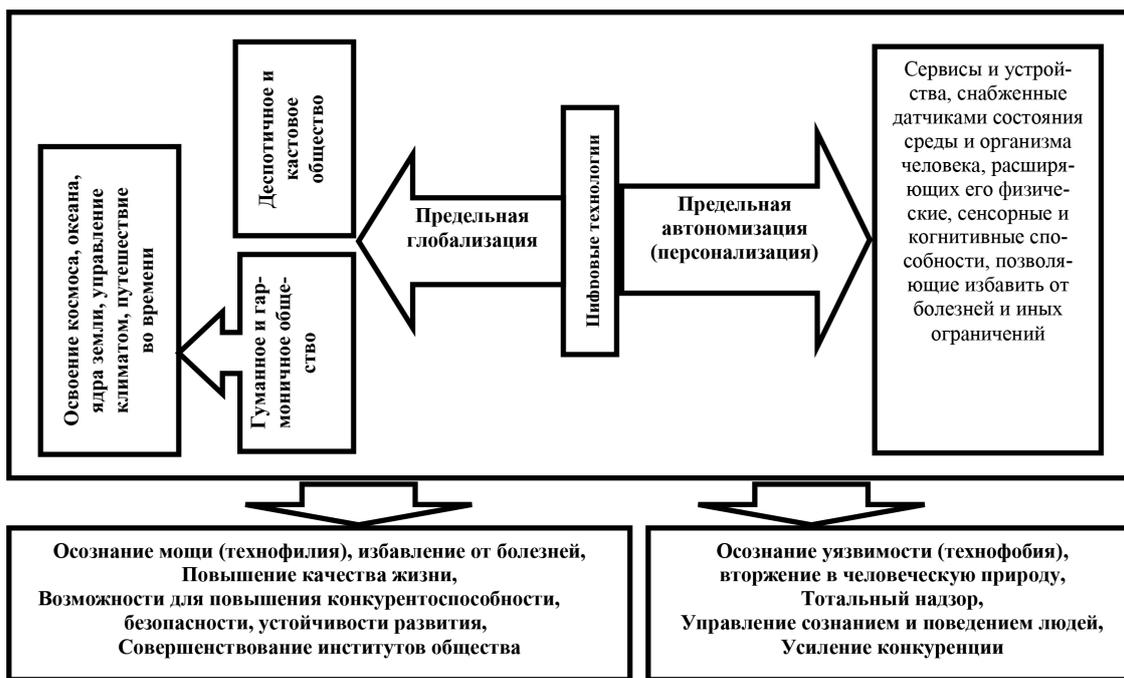

Рис. 1. Видение общества будущего

Fig. 1. Vision of future society

А. В. Щербина называет возможные предельные состояния отдельных индивидов – технофилию (как осознание мощи) и технофобию (как осознание уязвимости), а также предельные варианты состояния общества в целом – гуманное и гармоничное общество и деспотичное и кастовое общество.

В условиях неопределённости и отсутствия точных прогнозов на будущее ампли-

туда последствий цифровизации колеблется от открытия новых возможностей до разрушительных.

Образы цифрового общества генерируют социальные представления, ассоциирующие цифровизацию с рационализацией: «умный» дом, «умная» одежда, «умная» пицца, оповещающая человека о целесобразности её поедания, «умный» спорт, опосредованный контролем состояния ор-

ганизма, «умное» образование через «одно окно», умный выбор партнёра, «умное» зачатие и т. д. [10]. Формируется представление, что цифровая среда, как природа, естественна для человека, и он не может жить без цифровых технологий.

Развитие и внедрение высоких технологий позволит решить среди прочих и сложные социальные задачи. Так, в социальную сферу могут войти роботы, которые способны ухаживать за больными, доставлять покупки, поливать огород, собирать урожай и т. д. При этом нужно понимать, что, строя модель будущего, исходя из идей трансгуманизма, человечество придёт к обществу физически совершенных людей – обществу без больных людей. Нанотехнологии, биотехнологии, информационные технологии позволят решить проблемы со здоровьем. Таким образом, социальная проблема ухода за больными людьми, их адаптации и социализации останется в прошлом.

Построение цифровой экономики в настоящее время ведёт к преобразованиям цивилизационного характера, связанным с распространением информационных технологий в повседневной жизни (интернет-вещи, онлайн-услуги, коммуникации в социальных сетях). Внедряемые цифровые технологии уже изменили характер взаимодействия личности с личностью, семьёй, ближним кругом общения, с организациями и государством в целом. Появилась мода на установку так называемых семейных локаторов, что позволяет всегда знать местоположение близких людей, выработалась привычка мгновенно делиться яркими событиями и эмоциями через социальные сети и мессенджеры. Таким образом, когда вечером вся семья собирается за столом, все про всех уже всё знают, отпадает необходимость делиться пережитыми за день событиями и эмоциями.

В настоящее время, обращаясь по телефону в какую-либо организацию для получения консультации или разрешения вопроса, слышим ответ не сотрудника, а автоответчик, который может перенаправить к нужному специалисту и снять часть вопросов или решить проблему. Происходит подмена «живого» общения, коммуникативную функцию вместо специалиста организации выполняет разрабатанная цифровая информационно-коммуникативная технология. Здесь нам видится серьёзная социальная проблема. Коммуникация как одна из основ существования социума не должна деградировать. Если человек хочет получить информацию от «живого» сотрудника, необходимо предоставить ему такую возможность. Нельзя исключать возможность посещения гражданами социальных организаций или установления голосовых контактов граждан

через средства связи с сотрудниками организаций. Задача цифровых технологий – в облегчении человеческих контактов, а не разделении людей.

Процессы цифровизации превращают личность человека в товар, идентифицируемый информационными системами по набору параметров, используют индивида как управляемый биообъект. Для управления жизнедеятельностью человека необходим только набор его персональных данных. В таких условиях обесценивается сама сущность человеческой жизни. Все процессы жизнедеятельности алгоритмируются и адаптируются для цифрового представления, т. к. в основе цифровых технологий и развивающегося искусственного интеллекта лежит машинная реализация бинарного дискретного мышления. Альтернативой бинарному мышлению является интуитивное непрерывное мышление. Разум человека складывается из сочетания того и другого мышления, в разных условиях преобладает то один, то другой вид. Если обратиться к истории, то можно заметить, что многие важные открытия сделаны не путём логических выводов, а интуитивным «озарением», например, периодическая таблица Д. И. Менделеева, закон Ньютона и др. Повсеместное использование цифровых технологий и замещение «человеческого» общения заставляет человека «думать как машина», что ведёт к снижению активности интуитивного мышления, которое, наоборот, требует развития.

О разрушительных последствиях цифровизации для социума предупреждают и религиозные лидеры. Святейший Патриарх Кирилл обратился с речью на открытии XXI Всемирного русского народного собора: «Вера в технологию сегодня – то же, чем была вера в прогресс. Это тоже своеобразная квазирелигия. Это вера человека в то, что с помощью науки и технологий можно достичь совершенства и бессмертия, полной власти над своим телом, над природой, над жизнью. Но это невозможно. Потому что источник совершенствования находится внутри человека, а не снаружи. Всё это ведёт в сторону от магистрального христианского пути. В конечном счёте – в сторону расчеловечивания, гипертрофированной индивидуализации, а значит, и к разрушению социума и концу истории»¹.

Э. Тоффлер в своих трудах отмечал, что человечество переходит к новой технологической революции, ведущей к созданию информационного (постиндустриального)

¹ Слово Святейшего Патриарха Кирилла на открытии XXI Всемирного русского народного собора / Русская православная церковь. – URL: <http://www.patriarchia.ru/db/text/5052002.html> (дата обращения: 05.03.2020). – Текст: электронный.

общества. Автор говорил о новых сложностях, социальных конфликтах и глобальных проблемах, которые неизбежно принесёт с собой эта революция [16]. «Третья волна», по оценке Тоффлера, должна сменить вторую (индустриальную) к 2025 г. [15]. Исходя из расчётов учёного, от информационного общества нас отделяет одно пятилетие.

О. И. Водяненко называет факторы, обуславливающие высокую вероятность социальных рисков в цифровой экономике:

- образование субкультур, пропагандирующих деструктивные социальные нормы;

- неадекватность поведения, принятых решений из-за динамичных смен институционального климата, норм и правил;

- формирование стереотипа о невысоких способностях женщин в сфере информационных технологий, социальная напряжённость среди возрастных людей, теряющих свою квалификацию и нуждающихся в переобучении;

- поляризацию доходов и размытие границ института социальной защиты в условиях «экономически свободного заработка»;

- нехватку преподавателей, способных формировать цифровые компетенции [1].

Серьёзный социальный риск цифровизации сводится к тому, что она ускорила естественный процесс отмирания одних профессий и появления новых. Рынок труда нуждается в новых профессиях, а система образования ещё не готова к подготовке таких специалистов. Требуется время для соответствующей настройки системы образования, в том числе, нормативно-правовой, но необходимы несколько лет для первого выпуска таких специалистов. За это время могут произойти изменения и подобные специалисты не потребуются. В таких условиях человек постоянно должен перекалываться, чтобы оставаться востребованным на рынке труда. Подобная ситуация способна формировать безразличное отношение к качеству образования со стороны его потребителей. Зачем прикладывать усилия при обучении, если через несколько лет нужно будет переучиваться.

Становление цифровой экономики приведёт к неизбежной трансформации социальных систем страны. Понимая под социальной системой совокупность социальных явлений и процессов, находящихся в тесной связи между собой и образующих некоторый социальный объект, в данном исследовании в качестве объекта рассматриваем пенсионную систему, систему социального и медицинского страхования и др. Государство является гарантом финансирования таких социальных систем, в связи с чем никакие процессы, в том числе цифровизации, не должны выводить финансовые потоки из-под ведения государства. Рассмотрим

проблемы пенсионной системы, связанные с цифровизацией экономики. В теории пенсионного страхования для расчёта размера страховой пенсии для различных категорий застрахованных лиц отправными точками являются продолжительность трудового стажа и величина заработной платы как «трудо-вой вклад» каждого гражданина. В настоящее время пенсионная система полностью интегрирована в экономику, и все её экономические параметры зависят от уровня развития экономических отношений между участниками пенсионной системы [8]. Ввиду такого устройства пенсионной системы, каждый гражданин должен как можно дольше работать, при этом получать достойную заработную плату.

А. П. Колесник делит работающее население будущего в условиях цифровой экономики на 4 группы:

- 1) разрабатывающие и производящие цифровые технологии, а также способы их применения в отраслях экономики;

- 2) поддерживающие работоспособность цифровых технологий в различных отраслях экономики в течение их жизненного цикла;

- 3) работающие в отраслях цифровой экономики и во взаимодействии с цифровыми системами в качестве операторов, называемые автором приложением цифровых систем;

- 4) теряющие или потерявшие место работы из-за внедрения цифровых систем в отраслях экономики [3].

Н. Г. Миронова, называя два социальных риска, наряду с риском монопольного внешнего давления на государство через механизмы цифровой экономики – риском уменьшения независимости, выделяет риск масштабной безработицы и её социальных последствий в условиях цифровой экономики [7].

Согласно исследованиям А. П. Колесника и Н. Г. Мироновой, часть населения будущего общества потеряет работу, что негативно отразится на пенсионной системе, имеющей настоящую структуру.

Цифровая экономика предполагает исключение человека как из процессов производства, так и из процессов принятия решения. Роботизированные сети «умных заводов» и других процессов смогут самостоятельно принимать решения об оптимизации производственных систем, повышении эффективности в соответствии с поставленными задачами. А. К. Соловьев говорит о рисках, связанных с развитием пенсионного обеспечения, которые состоят в резком сокращении потребности в участии человека в производственных процессах и повсеместном замещении человеческого труда автоматизированными процессами. Это

приведёт к сокращению трудовой занятости и необходимости изменения всей системы трудовых отношений, рассматриваемой как экономический механизм распределения результатов труда между работодателем и работником. Возникает риск сокращения охвата государственным пенсионным страхованием граждан. «В долгосрочной перспективе это приведёт к росту числа бедных пенсионеров, которые потребуют целевого финансирования за счёт средств федерального бюджета» [8, с. 196].

«Выпадение» трудоспособного гражданина из цифровой экономики имеет субъективные и объективные причины. О. В. Шиняева и О. М. Слепова провели исследование по информационно-цифровому неравенству населения, выявили социальные различия

использования информационно-компьютерных технологий, построили факторную модель информационно-цифрового неравенства населения, в которой представлено описание структуры объективных факторов социального и регионального уровней, иерархия субъективных детерминант. Авторами выделены факторы риска, способствующие появлению информационно-цифрового неравенства [9].

Развитие цифровой экономики породило новый вид социального неравенства – информационно-цифровой. В сопоставительной табл. 1 отражено мнение разных исследователей, отметивших факторы риска, которые способны привести к информационно-цифровому неравенству (разделены на две категории: объективные и субъективные).

Таблица 1

Факторы риска, приводящие к информационно-цифровому неравенству

Составляющие	ФИО автора		
	О. В. Шиняева, О. М. Слепова [9]	К. И. Кузнецова [5]	Г. П. Коршунов, С. Н. Кройтор [4]
Наименование	Факторы риска, способствующие появлению информационно-цифрового неравенства	Препятствия на пути повсеместного использования информационных технологий широкими слоями и группами в России	Факторы, снижающие цифровую готовность населения
Объективные факторы/препятствия	Недостаточно развитая отечественная инфраструктура	Недостаточно развитая телекоммуникационная инфраструктура Высокая цена на современные компьютеры, цифровые устройства, как следствие – отсутствие отечественных производителей вычислительной техники	
	Высокая стоимость интернет-услуг	Высокая стоимость услуг интернет-провайдеров	
Субъективные факторы/препятствия	Слабая мотивация и готовность разных групп населения к использованию информационно-компьютерных технологий		Недостаточная компьютерная и цифровая грамотность населения Психологический консерватизм Опасения столкновения с угрозами информационной безопасности Отсутствие уверенности в полезности и практической применимости новых знаний

Таким образом, факторы риска, приводящие к информационно-цифровому неравенству, выделенные разными учёными, вполне сопоставимы.

Проблема информационно-цифрового неравенства особо ярко проявилась в период карантинных мер, препятствующих распространению вируса Covid-19. В данный период вся система образования перешла на дистанционную форму, однако к этому оказались не готовы некоторые преподаватели, особенно старшее поколение. Не все преподаватели владеют навыками пользователя компьютером, в связи с чем не каждый мог использовать современные цифровые технологии для организации дистанци-

онного обучения. Студенты, в свою очередь, активно пользуются информационно-коммуникационными технологиями, но при этом разбегались по домам, многие из них живут в деревнях, где либо нет интернета, либо он очень слабый, по этой причине потеряна возможность продолжать обучение дистанционно.

Г. П. Коршунов и С. Н. Кройтор называют аспекты доступности технологий: территориальный, финансовый, указывают на наличие соответствующих навыков. Авторы отмечают, что скорость развития технологий и электронных сервисов превышает темпы её освоения людьми, в том числе, в силу психологической неготовности к новому [4].

Рассматривая социальные риски цифровой экономики, необходимо уделить особое внимание влиянию тотальной цифровизации на уровень и качество жизни граждан, что является социальным показателем благополучия общества. Существуют различные определения понятий уровня и качества жизни. В данной работе под уровнем жизни понимается социально-экономическая категория, которая выражает обеспеченность населения различными благами. К ним относят, как правило, жильё, продукты питания, одежду, коммунальные и бытовые услуги, транспорт, образование, медицину, возможности организации досуга и т. д. В современном мире к этому перечню добавляются продукты и услуги цифровой индустрии: банковские карты, дистанционные формы банковского, налогового обслуживания, смартфоны, цифровое телевидение и виртуальные формы обучения, работы и т. д. Уровень жизни – это отражение характера и уровня

потребностей личности и показатель того, какими возможностями для их удовлетворения человек располагает.

Качество жизни рассматривается как степень удовлетворённости личности условиями своей жизни. Иными словами, качество жизни – показатель того, насколько степень удовлетворения жизненных потребностей человека соответствует персональным ожиданиям личности, насколько комфортной, по собственным ощущениям, является его жизнь. Можно быть очень богатым, но при этом не иметь возможности удовлетворения, например, каких-то эстетических потребностей и, наоборот, имея невысокие материальные доходы, человек может быть вполне удовлетворён и ощущать полную гармонию.

Качество жизни – это сложная интегральная категория, которая включает множество аспектов. На рис. 2 показаны составляющие интегральной категории «Качество жизни», отмеченные Г. П. Коршуновым и С. Н. Кройтор [4].

Рис. 2. Составляющие интегральной категории «Качество жизни»

Fig. 2. Components of the integral category "Quality of Life"

М. Б. Лига, Е. Ю. Захарова, М. С. Томских понимают качество жизни в рамках социологического подхода «как совокупность условий жизнедеятельности, позволяющих обеспечить безопасность, удобство, комфорт, самовыражение личности» [6, с. 41].

В основе качества жизни населения лежит благополучие жизни человека и об-

щества. Исследователи Л. Г. Гусякова, Г. В. Говорухина, С. И. Григорьев на основе базовых положений и идей социологической концепции жизненных сил человека, его индивидуальной и социальной субъектности сконструировали виталистскую модель социальной работы. В рамках такой модели социальное благополучие выступает как

характеристика процесса взаимодействия жизненных сил и жизненного пространства социальных субъектов, которая зависит от степени развития жизненных сил этих субъектов и сопряженной с ними оптимальности организации жизненного пространства их бытия. Основными компонентами виталистской модели социального благополучия являются развитость жизненных сил и оптимальность организации жизненного пространства социальных субъектов [2].

Использование информационных технологий потенциально способно повысить уровень качества жизни человека во всех сферах и практиках. Наличие технологий и сервисов, предоставляемых с их помощью, в обществе важно не само по себе, их ценность в том, насколько они способны облегчить жизнь человека. Таким образом, цифровая трансформация различных сфер жиз-

недеятельности человека является необходимым, но недостаточным условием повышения качества жизни людей. О повышении качества жизни в условиях цифровизации можно говорить лишь в том случае, когда технологии позволяют упростить взаимодействие между государством и социальными субъектами и становятся неотъемлемой частью благополучия жизни человека. Наличие качественной цифровой инфраструктуры благоприятствует развитию социального капитала и потенциала каждого индивида только в сочетании с активным её использованием всеми слоями населения.

В ходе нашего исследования проведено анкетирование граждан на предмет использования информационных технологий.

В опросе приняло участие 294 чел. Распределение по возрастным категориям представлено на рис. 3.

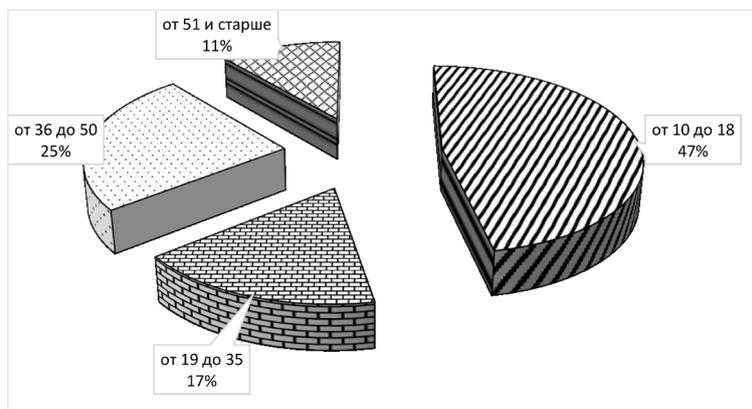

Рис. 3. Распределение по возрастным категориям

Fig. 3. Distribution by age categories

Опрос проводился через мессенджеры и социальные сети. Это означает, что все респонденты имеют доступ в сеть Интернет, ориентируются в виртуальном пространстве и пользуются социальными сетями и (или) мессенджерами. Таким образом, все опрошенные являются реальными участниками цифровой экономики.

Вопросы анкеты связаны с использованием информационных технологий, это:

1. Пользуетесь ли вы интернет-мессенджерами (Viber, WhatsApp и др.)?

2. Совершаете ли вы финансовые операции с помощью интернет-банка (Сбербанк Онлайн и др.)?

3. Делаете ли вы заказ и покупку товаров через интернет?

4. Совершаете ли вы покупку билетов через интернет?

5. Пользуетесь ли вы интернет-сервисами вызова такси (Яндекс. Такси и др.)?

6. Пользуетесь ли вы микродатчиками здоровья, фитнес-браслетами, «умными часами»?

7. Пользуетесь ли вы порталом Госуслуг?

8. Приходилось ли вам обучаться в дистанционном формате или в режиме онлайн?

9. Пользуетесь ли вы 3D-принтером?

10. Пользуетесь ли вы системой «Умный дом»?

В анкете предложены варианты ответов:

– «Имею возможность пользоваться и пользуюсь»;

– «Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь»;

– «Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться»;

– «Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно».

В ходе опроса были получены ответы, результаты которых отражены на рис. 4–13.

Интернет-мессенджеры (Viber, WhatsApp и др.)

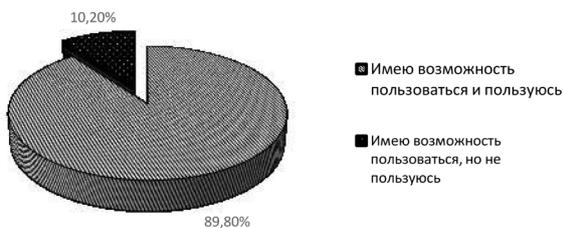
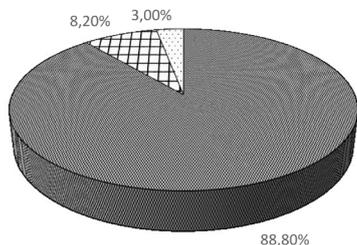

Рис. 4. Результаты ответов на первый вопрос анкеты

Fig. 4. Answers to the first question of the questionnaire

Совершение финансовых операций с помощью интернет-банка (Сбербанк-онлайн и др.)

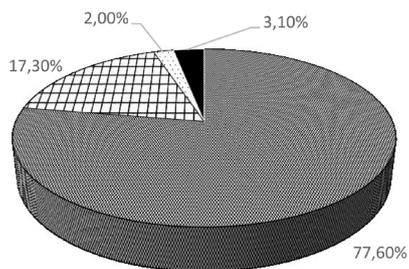

- Имею возможность пользоваться и пользуюсь
- ▣ Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
- Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно

Рис. 5. Результаты ответов на второй вопрос анкеты

Fig. 5. Answers to the second question of the questionnaire

Заказ и покупка товаров через интернет

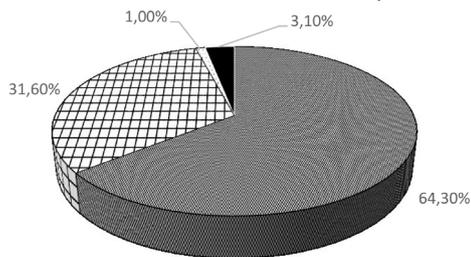

- Имею возможность пользоваться и пользуюсь
- ▣ Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
- Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно
- ▣ Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться

Рис. 6. Результаты ответов на третий вопрос анкеты

Fig. 6. Answers to the third question of the questionnaire

Покупка билетов через интернет

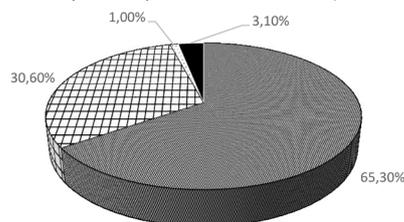

- Имею возможность пользоваться и пользуюсь
- ▣ Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
- Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно
- ▣ Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться

Рис. 7. Результаты ответов на четвёртый вопрос анкеты

Fig. 7. Answers to the fourth question of the questionnaire

Интернет-сервис вызова такси (Yandex-такси и др.)

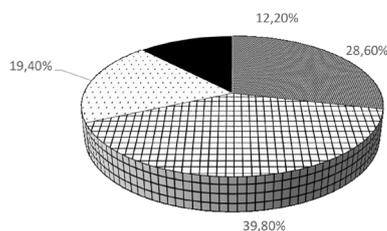

- Имею возможность пользоваться и пользуюсь
- ▣ Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
- Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно
- ▣ Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться

Рис. 8. Результаты ответов на пятый вопрос анкеты

Fig. 8. Answers to the fifth question of the questionnaire

Микродатчики здоровья, фитнес-браслеты, "умные часы"

- Имею возможность пользоваться и пользуюсь
- ▣ Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
- Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно
- ▣ Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться

Рис. 9. Результаты ответов на шестой вопрос анкеты

Fig. 9. Answers to the sixth question of the questionnaire

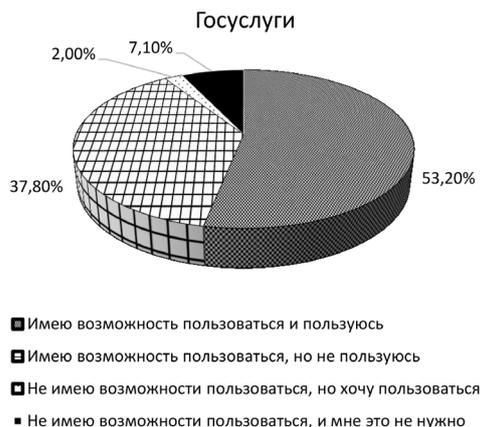

Рис. 10. Ответы на седьмой вопрос анкеты

Fig. 10. Answers to the seventh question of the questionnaire

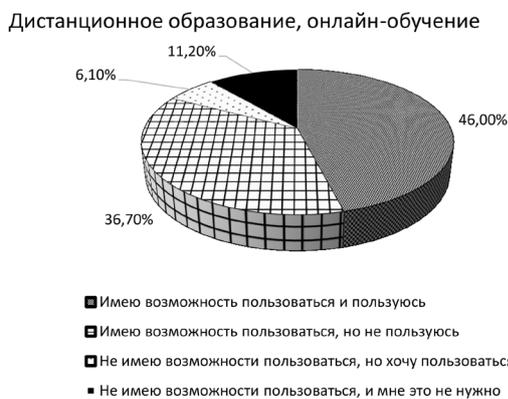

Рис. 11. Результаты ответов на восьмой вопрос анкеты

Fig. 11. Answers to the eighth question of the questionnaire

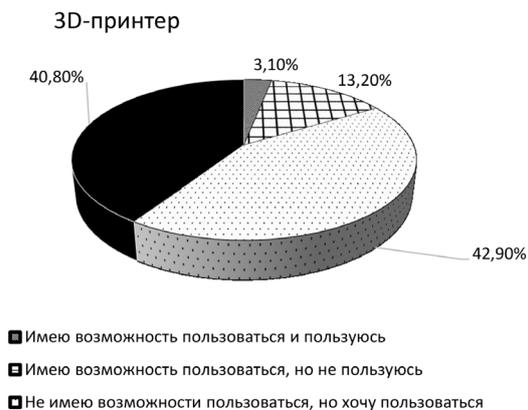

Рис. 12. Результаты ответов на девятый вопрос анкеты

Fig. 12. Answers to the ninth question of the questionnaire

Рис. 13. Результаты ответов на десятый вопрос анкеты

Fig. 13. Answers to the tenth question of the questionnaire

Варианты ответов на вопросы анкеты разделены на смысловые группы: наличие/отсутствие возможности и готовности (табл. 2).

Таблица 2

Распределение вариантов ответов по смысловым группам

Наименование группы	Варианты ответов
Наличие возможности	Имею возможность пользоваться и пользуюсь. Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь
Отсутствие возможности	Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться. Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно
Наличие готовности	Имею возможность пользоваться и пользуюсь. Не имею возможности пользоваться, но хочу пользоваться
Отсутствие готовности	Имею возможность пользоваться, но не пользуюсь. Не имею возможности пользоваться, и мне это не нужно

Результаты анкетирования представлены на диаграмме как соотношение возможности и готовности использовать цифровые технологии (рис. 14).

Таким образом, согласно результатам анкетирования, 76 % респондентов имеют возможность использовать перечисленные технологии, однако 31 % из них не готовы использовать имеющиеся возможности. Уровень жизни 76 % респондентов позволяет пользоваться данными технологиями, но они не повышают качество жизни более чем для 30 % таких людей. Тем не менее, 69 % респондентов пользуются имеющимися возможностями.

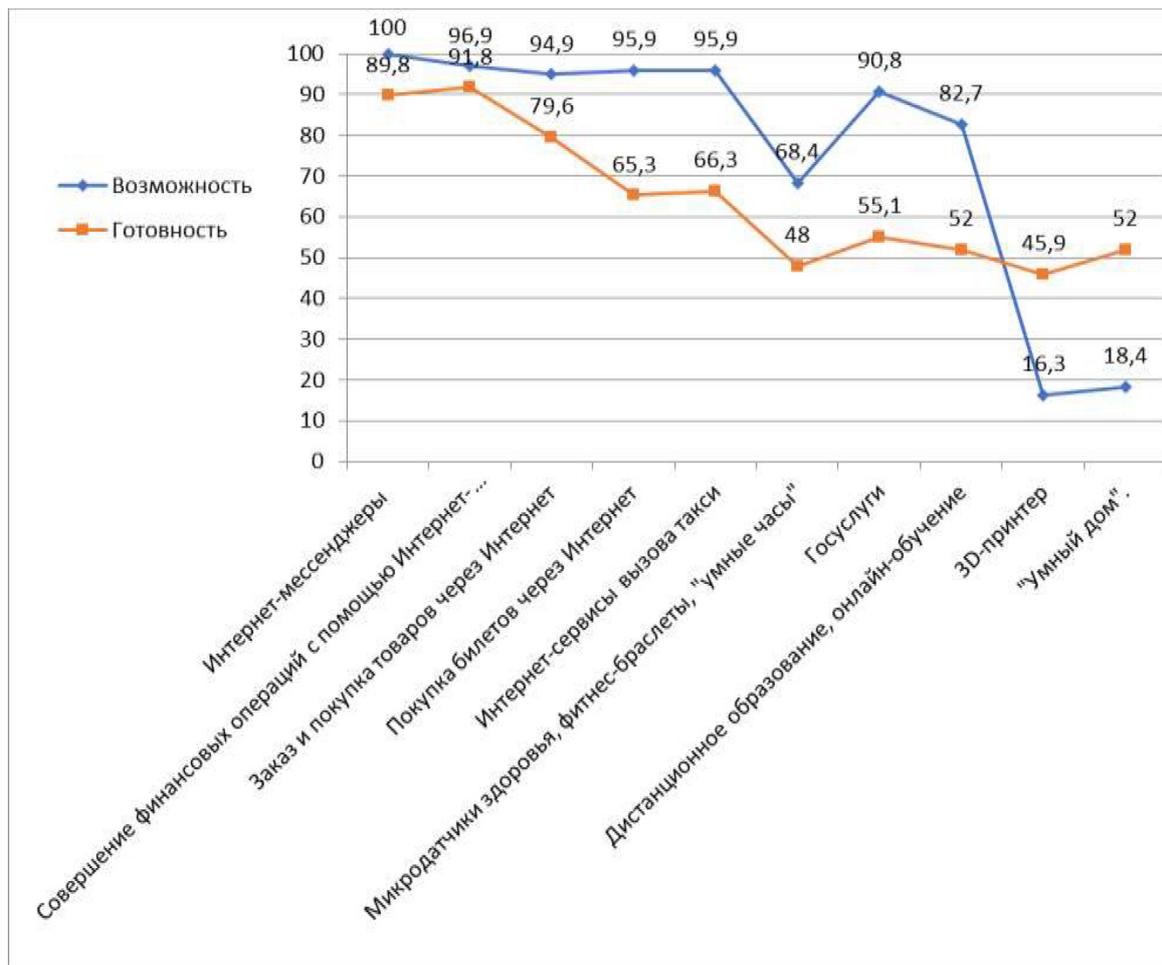

Рис. 14. Результаты анкетирования

Fig. 14. The results of the questionnaire

51 % опрошенных среди не имеющих возможности использовать те или иные технологии выражают готовность к их использованию.

Общий процент готовности составляет 65 %, что ниже общего количества имеющих возможность на 11 %.

Тенденция неготовности использовать все имеющиеся возможности нарушена только в случае дорогостоящих технологий (3D-принтер и «Умный дом»). Около 50 % респондентов считают, что 3D-принтер и «Умный дом» повысят качество их жизни, но в настоящее время нет возможности использовать дорогостоящие технологии.

Проведённое нами исследование подтверждает выводы об опережающем развитии технологий на фоне медленно нарастающей готовности населения их использовать. На основании полученных результатов приходим к выводу, что независимо от уровня жизни населения цифровые технологии далеко не всегда (лишь на 65 %) повышают качество жизни.

Для формирования стратегии повышения цифровой готовности населения необходимо проводить исследования, позволяющие выявлять восприятие людьми технических инноваций: какие ощущения, эмоции вызывают эти новшества, с какими перспективами у человека связаны эти изобретения, какие сложности в использовании возникают и др.

Заключение. В современном мире, чтобы не проиграть в геополитической конкуренции, наша страна должна строить цифровую экономику. Цифровая экономика, с одной стороны, способствует экономическому росту страны и, следовательно, созданию ресурсов для социального развития, с другой – тотальная цифровизация ведёт к духовному обнищанию людей, к предпочтению гаджетов и виртуальной реальности прелестям природы, к дальнейшей индивидуализации жизни, к социальной деградации, что, в свою очередь, влияет на снижение людских ресурсов. Таким образом, государственной задачей должна стать «выработка иммунитета» к де-

структивному влиянию цифровизации на человека и в целом социальная стабильность. «Стержнем устойчивости» является мировоззрение и духовность людей – участников цифровой экономики. Видится необходимым

рассматривать общество не как механизм, а как организм, при этом выявлять настоящие и перспективные последствия инженерных решений, являющихся элементами цифровой экономики.

Список литературы

1. Водяненко О. И. Детерминанты социальных рисков цифровой экономики // Наука и общество. 2019. № 1. С. 7–11.
2. Гулякова Л. Г., Говорухина Г. В., Григорьев С. И. Виталистская модель социальной работы как основа обеспечения качества жизни населения // Уровень жизни населения регионов России. 2013. № 3. С. 78–80.
3. Колесник А. П. Социальные системы в цифровой экономике // Стратегии бизнеса. 2018. № 1. С. 3–11.
4. Коршунов Г. П., Кройтор С. Н. Проблема уровня и качества жизни в эпоху цифровизации. Текст: электронный // LOGOS ET PRAXIS. 2019. № 2. С. 24–38. URL: <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.3> (дата обращения: 19.03.2020).
5. Кузнецова К. И. Цифровое неравенство как сложный и динамичный феномен // Новые контуры социальной реальности: материалы междунар. науч.-практ. конф. Ставрополь, 2017. С. 181.
6. Лига М. Б., Захарова Е. Ю., Томских М. С. Управление качеством жизни. Новосибирск: Наука, 2019. 176 с.
7. Миронова Н. Г. Социальные риски цифровой экономики // Материалы конференций ГНИИ «Нацразвитие». Уфа: Институт истории и государственного управления БашГУ, 2018. С. 53–59.
8. Соловьев А. К. Социальные риски цифровой экономики // Вестник факультета управления СПбГЭУ. 2018. № 3. С. 194–196.
9. Шиняева О. В., Слепова О. М. Информационно-цифровое неравенство населения: факторы риска и антириска. Текст: электронный // Известия Саратовского университета. 2019. № 1. С. 53–61. URL: <https://doi.org/10.18500/18189601-2019-19-1-53-61> (дата обращения: 19.03.2020).
10. Щербина А. В. Императив цифровизации в социальных представлениях. Культурно-историческая перспектива // Возможности и угрозы цифрового общества / под общ. ред. А. В. Соколова, А. А. Власовой. Ярославль: Цифровая типография, 2019. С. 162–167.
11. Chernyakov M., Chernyakova M. Technological Risks of the Digital Economy // Journal of Corporate Finance. 2018. Vol. 12. Pp. 99–109.
12. Curran D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy // European Journal of Social Theory. 2017. Vol. 21. Pp. 207–226.
13. Hanna Nagy. A role for the state in the digital age // Journal of Innovation and Entrepreneurship. 2018. Vol. 7. Pp. 2–16.
14. Linkov I., Trump Benjamin D., Poinsette-Jones K., Florin M.-V. Governance Strategies for a Sustainable Digital World // Sustainability. 2018. Vol. 10. DOI: 10.3390/su10020440.
15. Toffler A. Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century. New York: Bantam Books, 1990.
16. Toffler A. The Third wave. New York: Bantam Books, 1980. 544 p.

Статья поступила в редакцию 16.04.2020; принята к публикации 21.05.2020

Сведения об авторах

Казачек Наталья Анатольевна, кандидат педагогических наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: kazachekna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1106-8268>.

Захарова Елена Юрьевна, доктор философских наук, доцент, Забайкальский государственный университет; 672039, Россия, г. Чита, ул. Александрово-Заводская, 30; e-mail: aglena_72@mail.ru <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Вклад авторов в статью

Н. А. Казачек – основной автор, выделила социальные риски цифровой экономики и провела анкетирование граждан на предмет использования информационных технологий.

Е. Ю. Захарова разработала методологию исследования и провела анализ литературы по рассматриваемой проблеме.

Библиографическое описание статьи

Казачек Н. А., Захарова Е. Ю. Социальные риски цифровой экономики // Гуманитарный вектор. 2020. Т. 15, № 4. С. 33–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45.

References

1. Vodyanenko, O. I. Determinants of the social risks of digital economy. *Science and society*, no. 1, pp. 7–11, 2019. (In Rus.)
2. Guslyakova, L. G., Govoruhina, G. V. Vitalist model of social work as a basis for ensuring the quality of life of the population. *Standard of living of the population of Russian regions*, no. 3, pp. 78–80, 2013. (In Rus.)
3. Kolesnik, A. P. Social systems in digital economy. *Business strategies*, no. 1, pp. 3–11, 2018. (In Rus.)
4. Korshunov, G. P., Kroitor, S. N. The problem of level and quality of life in the era of digitization. *LOGOS ET PRAXIS*, no. 2, pp. 24–38, 2019. <https://doi.org/10.15688/lp.jvolsu.2019.2.3> (In Rus.)
5. Kuznetsova, K. I. Digital divide as a complex and dynamic phenomenon. *New contours of social reality: Proceeding of international scientific-practical conference*. Stavropol, 2017: 181. (In Rus.)
6. Liga, M. B., Zakharova, E. Yu., Tomskikh, M. S. *Management of life quality*. Novosibirsk: Nauka, 2019. (In Rus.)
7. Mironova, N. G. Social risks of digital economy. *Conference proceedings GNII "Natsrazvitie"*. Ufa: Institut istorii i gosudarstvennogo upravleniya BashGU, 2018: 53–59. (In Rus.)
8. Solov'ev, A. K. Social risks of digital economy. *Bulletin of the faculty of management of SPBSU*, no. 3, pp. 194–196, 2018. (In Rus.)
9. Shinyaeva, O. V., Slepova, O. M. Information and digital divide of the population: risk and anti-risk factors. *Izvestiya of Saratov University no.1*, pp. 53–61, 2019. <https://doi.org/10.18500/18189601-2019-19-1-53-61> (In Rus.)
10. Shcherbina, A. V. The imperative of digitalization in social representations. *Cultural and historical perspective. Opportunities and threats of digital society*. Yaroslavl': Cifrovaya tipografiya, 2019: 162–167. (In Rus.)
11. Chernyakov, M., Chernyakova, M. Technological Risks of the Digital Economy. *Journal of Corporate Finance*, vol. 12, pp. 99–109, 2018. (In Engl.)
12. Curran, D. Risk, innovation, and democracy in the digital economy. *European Journal of Social Theory*, pp. 207–226, vol. 21, 2017. <https://doi.org/10.1177/1368431017710907>. (In Engl.)
13. Hanna Nagy. A role for the state in the digital age. *Journal of Innovation and Entrepreneurship*, vol. 7:5, pp. 2192–5372, 2018. <https://doi.org/10.1186/s13731-018-0086-3> (In Engl.)
14. Linkov, I., Trump, Benjamin D., Poinsatte-Jones K., Florin M.-V. *Governance Strategies for a Sustainable Digital World*. Sustainability, 2018. DOI: 10.3390/su10020440. (In Engl.)
15. Toffler, A. *Powershift: Knowledge, Wealth and Violence at the Edge of the 21st Century*, New York: Bantam Books, 1990. (In Engl.)
16. Toffler, A. *The Third wave*. New York: Bantam Books, 1980. (In Engl.)

Received: April 16, 2020; accepted for publication May 21, 2020

Information about authors

Kazachek Natalia A., Candidate of Pedagogy, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: kazachekna@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0002-1106-8268>.

Zakharova Elena Yu., Doctor of Philosophy, Associate Professor; Transbaikalian State University; 30 Aleksandro-Zavodskaya st., Chita, 672039, Russia; e-mail: aglena_72@mail.ru; <https://orcid.org/0000-0001-9022-3520>.

Contribution of authors to the article

N. A. Kazachek – the main author, who identified social risks of digital economy and used a questionnaire to collect data about the application of information technology.

E. Yu. Zakharova developed methodology of research and analyzed literature on the problem.

Reference to the article

Kazachek N. A., Zakharova E. Yu. Social Risks of Digital Economy // *Humanitarian Vector*. 2020. Vol. 15, No. 4. Pp. 33–45. DOI: 10.21209/1996-7853-2020-15-4-33-45.